

Основание Омской крепости и ее эволюция к городу

Бассейн Иртыша с давних пор использовался в качестве традиционного водного пути, соединяющего Западную Сибирь и Среднюю Азию. Он издавна служил важной торговой артерией, по которой в Сибирь приезжали разные, но, главным образом, бухарские купцы. Мысль об освоении иртышской торгово-транспортной магистрали овладевала умами сибирских воевод уже в XVII в. Более плодородные земли лесостепной зоны Среднего Прииртышья также привлекали внимание тарских хлеборобов. В 1654 г. российский посол Ф. И. Байков, проезжавший вдоль по Иртышу в Китай, нашел на месте нынешнего Омска русских рыбаков. Однако колонизация степных районов Прииртышья была практически невозможна без возведения крепостей-острогов.

В начале XVII в. резко изменилась политическая ситуация в Прииртышье, источники того времени свидетельствуют о внутриусобной борьбе владельцев кочевых улусов, которая ослабляла ойратов (калмыков). Этим воспользовались правители Западной Монголии. Под натиском

Алтын-хана («Золотого царя») ойратские племена стали откочевывать на запад и северо-запад. К 1690-м гг. ойратские кочевья, помимо Западной Монголии, охватывали обширные территории левобережья Иртыша. Калмыцкие улусы появляются в верховьях Оми и Иртыша, в непосредственной близости от Тары. Их движение в степи Западной Сибири натолкнулось на встречный поток алтайцев, киргизов, казахов и татар. Калмыки, попав в Барабинскую степь, искали защиты у русской военной администрации. В 1607 г. калмыцкие послы просили русского царя принять их в свое подданство и «поставить город на Оми для оберегания их от Алтын-хана». Но калмыки в то же время стали катализатором напряженности в регионе, начался новый передел и разорение степных улусов.

С отторжения калмыками в 1610 г. соленых озер, снабжавших солью почти всю Западную Сибирь, вновь возник вопрос о строительстве крепости на Оми, который поднимался еще раньше, в бытность тарским воеводой, князем Силой Гагариным. О необходимости строительства крепости при слиянии Иртыша и Оми докладывали в Москву в 1628 г. тарские воеводы. В том же 1628 г. последовал правительственный указ о строительстве острога, но осуществить его не удалось из-за набегов калмыков. Ямышевское озеро близ Иртыша (южнее теперешнего Павлодара) стало стратегическим пунктом, вокруг которого весь XVII в. вращались многие экономические, политические и региональные проблемы.

В 1635 г. в Западной Монголии образовалось ойратское Джунгарское государство, первым правителем которого стал Батур-хунтайджи. Территорию юга Западной Сибири он рассматривал в качестве сферы своих интересов. Отношение Батур-хунтайджи и его преемников к России было двойственным. С одной стороны, они добивались поддержки Москвы в целях укрепления собственной власти. С другой – их вассалы грабили даже русские владения, и хунтайджи ни разу за это никого не наказал. Колонизация степных районов Прииртышья в такой ситуации становилась практически невозможной и бессмысленной без возведения крепостей-острогов. К 1701 г. на юг от г. Тары по Иртышу располагалось всего 16 поселений: Бергамацкая и Татмыцкая укрепленные слободы и 14 деревень.

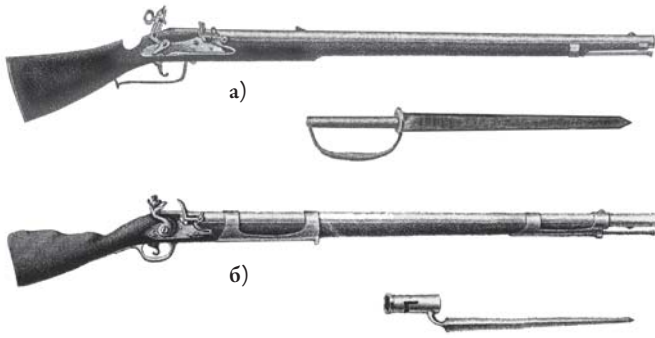
В начале бурного событиями XVIII в. в Сибири продолжался процесс открытия и освоения новых земель. В 1710–1716 гг. в Тобольске формируется несколько экспедиций: воеводы Д. А. Траурнихта в Якутский край, полковника Я. А. Ельчина на Камчатку, подполковника

А. М. Опекушин. Петр I. Около 1872 г. Бронза.

Из собрания ООМНИИ им. М. А. Врубеля.

«По имянному его царского величества указу определен в Сибирскую губернию подполковник Бухальц для строения новых городов...»

Фузеи: а) 1703 г., б) 1723 г.

Рисунки из книги «Историческое описание вооружения и одежды российских войск» (М., 2007. Т. 2).

Такие гладкоствольные ружья с кремневым замком были введены на вооружение русской армии Петром I

И. Д. Бухольца в Малую Бухарию (Яркенд). Характерной чертой этих экспедиций было переплетение научно-исследовательских задач с социально-экономическими. В период Северной войны страна остро нуждалась в источниках пополнения государственной казны. Такова была обстановка, в которой родилась и получила воплощение идея сибирского губернатора князя М. П. Гагарина о походе в Яркенд – «городок калмыцкой Эркет» (джунгарский Еркен), под которым на р. Дарье промышляют «песошное золото», и строительстве крепостей по Иртышу.

Еще в XVIII в. на тобольском и тарском рынках, наряду с другими восточными товарами, появилось так называемое «россыпное песошное золото». В 1713 г. для выяснения мест добычи золота в южные районы Сибири губернатор направил тобольского дворянина Ф. Трушников, который прошел Восточный Туркестан, побывал у оз. Кунгур, в Тибете и вернулся в Тобольск только в 1716 г. До его возвращения князь Гагарин сообщил Петру I о том, что в Эркете «промышляют песошное золото», и послал царю золотой песок.

«Золотой песок, доставленный Петру I, был, как выяснилось позднее, куплен по приказу губернатора у торговцев-калмыков тобольским жителем Иваном Турениным, причем, по словам Туренина, губернатор даже не поинтересовался, откуда взяли торговцы тот песок. Когда в Тобольск прибыл руководитель экспедиции Бухгольц, он не мог добиться от Гагарина каких-либо конкретных данных о «еркетском» месторождении. «А подлинного и верного ведомца о песошном золоте близ Еркета господин губернатор мне не дал, – доносил Бухгольц Петру I из сибирской столицы 9 июня 1715 г., – а тобольские жители, которые бывали в Еркети, не единой не сведом о том золоте подлино, а привозят то золото в Тобольск бухарцы и продают»» (Из XVIII века – в век XXI: история Омска / Н. А. Миненко, В. Г. Рыженко. СПб., 2008. С. 42).

О «еркетском» месторождении доносил царю русский посол в Англии Ф. Салтыков, о богатствах Яркенда

в 1714 г. в Санкт-Петербурге говорил знатный туркмен («бухарин») Ходжа-Нефес (Хаджа Нефес).

22 мая 1714 г. Петр I подписал указ о яркендском походе за «россыпным песошным золотом». Начальником экспедиции был назначен один из «птенцов гнезда Петрова», сын обрусевших немцев, участник азовских походов и Северной войны, подполковник И. Д. Бухольц. (В исторической литературе встречаются различные написания фамилии основателя Омской крепости – Букольц (Буколц), Букольт (Буколт, Бухолт), Бухальц (Бухалц), Бухольтов (Бухолтов), Букольтов (Буколтов), Бухгольц, Бухольц. Немецкое начертание фамилии – Buchholz. Наиболее известные омские краеведы (Д. Н. Фиалков, И. Ф. Петров, А. Д. Колесников и др.) считают верным написание фамилии – Бухольц. Этот вариант чаще используется и в исторических документах. Фамилией Бухольц подписывались и дети Ивана Дмитриевича. – *Ред.*)

Иван Дмитриевич Бухольц родился в 1672 г., юношей поступил на военную службу. Он стоял у истоков формирования гвардейских петровских полков, вместе с братом Авраамом Дмитриевичем проходил службу в лейб-гвардии Преображенском полку и был хорошо известен Петру I. В состав экспедиции был включен горный мастер с разведочным инструментом. Бухольцу был отдан приказ двигаться с отрядом солдат вверх по Иртышу, на Ямышевское озеро, куда русские и прежде ходили за солью, выстроить там крепость и на следующую весну продвигаться к Яркенду.

В конце июня 1714 г. Бухольц с восьмью солдатами и сержантами лейб-гвардии Преображенского полка прибыл из Санкт-Петербурга в Москву, где к отряду присоединились майор, два капитана, два поручика, два прапорщика. Среди них выделялись майор И. Л. Вельяминов-Зернов и артиллерийский поручик Каландер, под руководством которых будет построена Омская крепость. Уже 13 ноября 1714 г. Бухольц приехал в Тобольск.

«...когда начальник экспедиции поближе познакомился с состоянием дел, хорошее настроение первых дней безвозвратно улетучилось. Оказалось, что для экспедиции в городе нет ни достаточных запасов провианта, ни воинского снаряжения, ни рабочих инструментов, ни речного транспорта, ни лошадей, ни телег. В наличии имелись лишь две пушки, и те без станков. По настоянию Бухгольца губернатор приказал вылить 12 новых пушек, но и через полгода были готовы только пять из них – одна шестифунтовая и четыре трехфунтовые. Не нашлось в губернской столице и столь необходимых в походе ружей, палашей, пороху, фитилей, селитры.

Приходилось заниматься закупкой у горожан, а также в слободах, деревнях и татарских юртах разных припасов, лошадей, седел; изготовлением пушечных лафетов, телег, патронных ящиков, топоров, ломов, кирок, мотыг, лопат, воинской амуниции и пр.; починкой старых ружей, с которыми

являлись мобилизованные новобранцы» (Из XVIII века – в век XXI... С. 45).

К лету 1715 г. Бухольц сформировал два пехотных полка – Санкт-Петербургский, Московский и один драгунский – Тобольский. В состав экспедиции вошли также пленные шведы. (При капитуляции шведской армии после Полтавского сражения в 1709 г. в плен попало много шведских солдат и офицеров, разосланных отдельными партиями по городам. В 1711 г., когда в Свияжске была раскрыта попытка пленных к бегству, большую часть шведов перевели в Сибирь. Более 800 офицеров оказались в Тобольске, и некоторые добровольно согласились принять участие в экспедиции за «песочным» золотом. – *Ред.*) Людей и грузы (вооружение, снаряжение, боеприпасы, продовольствие, материалы для устройства церкви – иконы, хоругви, богослужебные предметы) разместили на 32 дощаниках (по В. И. Далю, речные плоскодонные судна с мачтами) и 27 больших лодках и отправились вверх по Иртышу.

24 июля отряд прибыл в Тару, где общий состав экспедиции увеличился почти до трех тысяч человек, в число которых входило несколько артиллеристов и 70 мастеровых. В Таре приняли 1 500 лошадей, видимо отправленных ранее сухопутьем, и далее драгуны сопровождали «флотилию» по берегу реки.

1 октября 1715 г. отряд прибыл к Ямышевскому озеру, где к 10 ноября на р. Преснухе, в 6 км от Иртыша, построил крепость, обнесенную рвом и земляным валом.

Джунгария, потерявшая в войне с Китаем обширные кочевья восточного Алтая, начала проявлять возрастающий интерес в пограничной с Россией зоне. Правитель Джунгарии Цэван-Рабдан (Цэван-Рабдан) полностью подчинил себе телеутов и вынашивал планы подчинения Обь-Иртышского междуречья. Ухудшению обстановки на юге западносибирского региона способствовала также развязанная джунгарами война с казаками.

«Строительные работы еще не закончились, когда к озеру Ямышеву прибыло джунгарское посольство в сопровождении полковника Толбузина, возвращавшееся домой из Тобольска. Послам пришлось здесь задержаться на некоторое время в ожидании подвод, лошадей и верблюдов, так как их собственный транспорт был отнят в пути казаками. Они явно неодобрительно отнеслись к затее русских, говорили, что «та крепость на их земле строится». Когда за послами прибыли люди «от контайши», они предложили Бухольцу отправить с ними к Цэван-Рабдану своего представителя с письмом, в котором обстоятельно разъяснялись бы цели и характер экспедиции. К правителю Джунгарии поехал поручик М. Трубников, но в пути на посольство опять напали казаки, которые захватили Трубникова вместе с письмом, которое он вез, в плен (в плену он пробыл около года). Так что до Цэван-Рабдана послание Бухольца не дошло» (Из XVIII века – в век XXI... С. 46).

Цэван-Рабдан, встревоженный слухами о походе россиян в Яркенд (хотя князь Гагарин перед отправкой отряда известил находившихся в Тобольске джунгарских послов Тарсохоя и Дундукова о том, что экспедиция не имеет завоевательных целей, а займется разведкой недр), двинул к Ямышевской крепости десяти тысячное войско, которому в феврале 1716 г. удалось захватить лошадей и часть продовольственного склада экспедиции. Все другие попытки штурма крепости были отбиты русскими, и калмыки перешли к двухмесячной осаде. Весной в экспедиции вспыхнула эпидемия сибирской язвы, от которой ежедневно умирало 20–30 чел., в отряде также резко возросло дезертирство. Помощи ждать не приходилось, так как посланный из Тобольска караван попал к джунгарам.

Из-за противодействия джунгаров Цэван-Рабдана и плохой подготовки поход закончился неудачно. 28 апреля 1716 г. с остатками гарнизона – около 700 чел., Бухольц отплыл вниз по Иртышу на 16 дощаниках. Джунгары не препятствовали отходу русских и даже возвратили часть пленных. Примерно 4–5 мая отряд прибыл к устью Оми, где устроили укрепленный военный лагерь. Бухольц, как военный специалист, оценил стратегическое значение этой местности и в отчете губернатору просит прислать подкрепление и разрешить закладку крепости. Из Тобольска

Фрагмент иконостаса походной церкви. XVIII в. Дерево, яичная темпера. 51,3 x 21. Из собрания ООМНИИ им. М. А. Врубеля. Предназначался для проведения богослужений во время военных походов и в путешествиях

М. П. Гагарин отправил подкрепление в 1 300 чел. и позволение на строительство укреплений. 5 июля, в соответствии с традиционным «чином основания городов» (разметка плана строений на земле, церковное освящение территории и закладка храма), священники, «пев молебны и воду святыя со кресты», обошли участок будущего земляного вала, затем прочли молитву «Утверди ограждение сие...». Строительство первой церкви военного поселения началось в день поминовения Сергия Радонежского, покровителя русского воинства, – 25 сентября. Руководил строительством крепости, названной по реке Омской, «порутчик артиллерии» швед Каландер. Судя по описанию Г. Ф. Миллера и «Сибирской хронографии» И. Л. Черепанова («Черепановской летописи»), она была сооружена к осени «на южном берегу Оми, саженьях в 50 от берега реки Иртыша», и состояла из земляного вала «в форме правильного пятиугольника» с «небольшими бастионами» по всем углам. На валу – «острог, а около острогу выкопан ров, а за ним рогатки и надолбы поставлены». В дальнейшем «крепость была четвероугольная и только палисадом обнесенная». (Вопрос о годе постройки Омской крепости и ее первоначальной форме неоднозначно решается историками. В. И. Кочедамов называет 1717 г., а А. Д. Колесников не считает, что четырехугольной крепости предшествовала пятиугольная. – *Ред.*)

22 декабря 1716 г., согласно царскому указу «иттить до Зайсан-Нор-Озера... и на оном озере построить город немалой», Бухольц сдал гарнизон своему помощнику майору И. А. Вельяминову-Зернову и отправился в Тобольск. Он надеялся через А. Д. Меншикова получить аудиенцию у царя, чтобы убедить того отказать от указа. Светлейший князь просьбу выполнил, и 2 сентября 1717 г. Бухольц прибыл в Санкт-Петербург.

В январе 1719 г. Иван Дмитриевич отчитывался перед Правительствующим Сенатом об экспедиции в связи с «розыском» о князе М. П. Гагарине. Его отчет был признан удовлетворительным, хотя сибирский губернатор и обвинял Бухольца в том, что тот развязал конфликт с джунгарами. (В дальнейшем И. Д. Бухольц вновь оказался в Сибири. В 1723 г. он был назначен командиром Якутского полка и комендантом Селенгинской крепости. В 1731 г. был произведен в бригадиры. В марте 1740 г. он вышел в отставку в чине генерал-майора. Умер в 1741 г. Точное место его смерти и погребения неизвестны.) В результате проведенного следствия было установлено, что экспедиция потерпела неудачу прежде всего в результате плохой подготовки, в чем был признан виновным Гагарин (первый сибирский губернатор князь М. П. Гагарин в 1721 г. за подлог с присланным золотом, а также взятки, хищения, различные махинации по приказу Петра I был осужден и повешен в Санкт-Петербурге напротив здания Юстиц-коллегии).

Сначала Омская крепость находилась в том состоянии, в каком ее оставил Бухольц. Однако сложность внешнепо-

литической обстановки требовала усиления иртышских пограничных крепостей. В 1717 г. из Тобольска прислали «чертеж» крепости, согласно которому под руководством майора Аксакова Омская крепость была перестроена и расширена (на этом месте сейчас находятся здания Омского городского Совета и музыкального театра).

В 1722 г. инженер-капитаном де Гранжем, прибывшим с майором И. М. Лихаревым, который вел дознание по делу князя Гагарина, был составлен план строительства новой Омской крепости. Крепость должна была располагаться в более удобном месте – на правом берегу Оми (строительство ее впоследствии, в 1765 г., осуществил генерал-поручик И. И. Шпрингер), а четырехугольный форт – на левом. Участник Большой Сибирской экспедиции, историк и историограф академик Г. Ф. Миллер, побывавший в Омской крепости 27–29 июня 1734 г., писал, что «...за крепостью, по обеим сторонам Оми, многие обывательские дворы, из которых Омская слобода состоит и которые с северной стороны оной реки особливым острогом обведены. Близ крепости сделан через реку мост». Омская крепость находилась в ведении Тарской воеводской канцелярии до 1734 г., а позднее стала самостоятельной.

Экспедиция Бухольца положила начало новому этапу освоения Среднего и Верхнего Прииртышья. Население Тарского уезда и Барабинской степи было избавлено от разбойничьих набегов кочевников, что дало толчок для дальнейшей сельскохозяйственной колонизации края. С основанием Омской крепости сложились более благоприятные условия для добычи соли на Ямышевском озере и развития торговли с восточными странами на Ямышевской ярмарке. Основание Омска также оказало влияние на борьбу казахского народа против джунгаров за освобождение своих земель. В дальнейшем Омск сыграл огромную роль в развитии русско-казахских отношений, завершившихся включением казахских земель в состав Российской империи.

Омская крепость, наспех построенная в 1716 г., с самого начала не удовлетворяла тогдашним военным требованиям. Она была укреплена простым и небольшим рвом, который стал осыпаться и разрушаться, поэтому сразу же после ее сооружения встал вопрос о строительстве новой крепости. Г. Ф. Миллер видел в крепости деревянную церковь Сергия Радонежского (она была окружена оградой, в углу ограды находилась восьмигранная колокольня, а возле нее сторожка), гауптвахту, канцелярию, двор старшего офицера, двор управительский, в котором прежде была лютеранская церковь для шведов – участников экспедиции Бухольца, и казармы. На вооружении крепость имела пушки. В 40-х гг. XVIII в. Омская крепость была перестроена, стала занимать около шести гектаров, имела вид неправильного пятиугольника при пяти бастионах. Крепость окружал сухой ров трехметровой глубины и четырехметровой ширины и метровый земляной вал с внутренней

стороны с палисадом из плотно стоявших бревен, вкопанных в землю, 3,5 м высотой. Крепость была сооружена из брезового леса и уже к 1755 г. пришла в негодность.

«Попасть в крепость можно было через несколько ворот: Спасские, со стороны Иртыша (они завершались небольшой смотровой надстройкой), Знаменские, с юго-востока, и Шестаковские, устроенные в примыкавшей к Оми восточной куртине (участок крепостной стены, чаще прямоугольный, соединявший обращенные друг к другу части двух соседних бастионов и образующий вместе с ними бастионный фронт. – *Ред.*). Знаменские, Шестаковские, Никольские ворота представляли собой проезжие башни в виде квадратных срубов высотой 8 м. Они завершались высокой пирамидальной кровлей. Над Знаменской башней помещался еще смотровой фонарик, в свою очередь прикрытый такой же кровлей. Сверху были установлены пушки» (Из XVIII века – в век XXI... С. 50).

Почти одновременно с крепостью к западу от нее, между Иртышом и взгорьем, возникла слобода, которая называлась немецким словом «форштадт». В 1717 г. крепость имела уже две слободы – левобережную (на левой стороне Оми) и правобережную, т. е. планировка была типичной для укрепленных центров феодальной России. В этом же году вблизи Омской крепости были поселены крестьяне, переведенные сюда из Тобольского воеводства и других мест. Были основаны деревни Большая и Малая Кулачинская, Милетина, Красноярская и Чернолуцкая слобода. Вблизи деревень была заведена пашня. На правом берегу Иртыша проложили дорогу из Омской крепости на Тару и Тобольск.

Заселение региона было сопряжено с большими трудностями из-за неурожая и перебоев в поставках продовольствия. В 1734–1735 гг. в Омской крепости был голод, в результате которого «за неимением фуража и продовольствия умерло людей и лошадей немалое количество», но население крепости росло. По переписи 1725 г., всех посадских людей и разночинцев здесь было 992 чел. мужского пола (переписи тех лет не учитывали женское население). В 1734 г. Г. Ф. Миллер застал в Омской крепости гарнизон из 150 солдат и 200 казаков, многие без семей.

В середине 40-х гг. XVIII в. в крепости и слободах при ней числилось 1 608 военнослужащих и членов их семей, а также 1 807 чел. мужского пола, не связанных с военной службой (771 разночинец – отставники и их дети, 34 посадских, 282 крестьянина).

«В 1740-х гг. при крепости существовало уже четыре слободы: Луговская (располагалась между крепостью и берегом Иртыша и с южной стороны была защищена рвом и палисадом; здесь же стояла высокая Сергиевская надвратная башня), Губина (на правом берегу Оми; ее защищали только рвы и надолбы), Омская (к западу от Губиной) и Курганная (вдоль Иртыша; от реки ее отделял па-

лисад и надвратная Нижняя башня). Берега Оми соединял наплавной мост, причем на правом берегу имелось предместное укрепление – большая башня. От этой башни протянулись по прямой линии к Нижней башне ров, палисад и надолбы. В палисаде имелись ворота, неподалеку от которых, между Омской и Курганной слободами, стояла Ильинская церковь. <...>

Как это ни удивительно, Омская крепость жила мирной жизнью. Никто ее не осаждал и не пытался взять штурмом. Объяснялось это изменением ситуации на южных границах Сибири и в целом в Центральной Азии» (Из XVIII века – в век XXI... С. 51).

Крепость на Оми со временем стала служить воротами в обширный регион Верхнего Прииртышья и всей степной зоны, контролировала водные и караванные пути на юге Западной Сибири. На нее была возложена охрана южной границы Российской империи. В крепости также замыкалась Новая Ишимская (Горькая) линия укреплений, которая начиналась у р. Тобола и прикрывала юго-западную полосу русских поселений. В Омской крепости формировались гарнизоны для верхнеиртышских крепостей, отсюда на дощаниках доставлялись грузы для воинских частей и заводов горного Алтая.

Омская крепость в середине XVIII в. стала главным местом пересечения укрепленных линий Западной Сибири, однако особого административного значения до конца 1750-х гг. она не имела. Впервые в 1757 г. командующий войсками на сибирских линиях бригадир К. Л. Фрауендорф решил учредить здесь свою резиденцию (хотя официально главная квартира командующего оставалась в Тобольске) и в 1758 г. приехал в Омскую крепость «для командования Сибирским корпусом и линиями». В 1761–1762 гг. тут строились тюремный острог, «провиантские» магазины, жилые дома для офицеров, ремонтировалась пристань. В 1761 г. в Омской крепости находилось 47 обывательских домов, вне крепости – в Луговой слободе – 64, за Омью, в крестьянской слободе – 84. Всеми строительными работами руководила «инженерная команда», при ней велось и обучение специалистов.

В 1763 г. начальник Сибирского отдельного корпуса генерал-поручик И. И. Шпрингер признал Омскую крепость «главным местом, где должно всегда находиться главному командиру Сибирских пограничных линий»; под его руководством «инженерная команда» (приехавшие из России инженер-майор Л. Малм (Малм), инженер-прапорщик Я. Зеленый, прапорщик Я. Уксусников, инженер-топограф И. Г. Андреев и др.) перепланировала укрепление Иртышской и Новой Сибирской линий, а также проектировала новые крепости. Отметив слабую обороноспособность Омской крепости (во время ледохода и ледостава наплавной мост снимался, крепость была отрезана от тыла; кроме того, увал на берегу Оми, возвышавшийся над кре-

постью на 6–9 м, позволял неприятелю вести с него прицельный огонь), Шпрингер принял решение о строительстве новой крепости.

К весне 1764 г. был составлен план, утвержденный в 1767 г. в Санкт-Петербурге военной коллегией, и 2 мая 1768 г. началось строительство новой Омской крепости, которая по настоянию Шпрингера была перенесена на правый берег Оми. Новая крепость была построена по системе Себастьяна Ле Претр де Вобана, отвечала последнему слову тогдашней военной техники, это была единственная в Сибири крепость второго класса. Она занимала около 30 гектаров, имела четыре бастиона и три полубастиона. Крепость опоясывали широкий сухой ров глубиной 2,4 м и земляной вал высотой 3,5 м. Благодаря высокому берегу, вал со стороны Иртыша возвышался на 12 м над водой. В крепость вели Омские (со стороны Омской слободы), Тарские (в северной куртине) деревянные ворота, к которым были перекинуты подъемные мосты. В сторону Иртыша выходили Тобольские и Иртышские ворота, где рва и мостов не было.

На строительстве новой крепости в 1769 г. работало 585 колодников, 95 казаков и 46 драгун. К концу 1769 г. количество колодников было увеличено до 664, а в 1771 г. до 750. Для строительства новой крепости на левом берегу Иртыша (там, где имелась глина) построили кирпичные заводы, для перевозки кирпича на правый берег соорудили специальные паромы. В 1771 г. в новой крепости уже были генеральский дом на каменном фундаменте, провиантская канцелярия, гауптвахта, «протопопский дом», дома офицеров, казармы; возводилось первое каменное сооружение – каменная церковь Воскресения Христова – впоследствии Воскресенский собор (о соборе и всех сооружениях в новой крепости см. в очерке «Архитектурный комплекс Омской крепости»). Между старой и новой крепостями был построен деревянный мост. В слободе на высоком пригорке на левом берегу Оми в 1778 г. вместо деревянной церкви заложили каменную церковь во имя пророка Ильи, главный престол которой был освящен в 1789 г. На восточной стороне площади плац-парадов в 1790–1792 гг. построили каменную лютеранскую кирху на 100 мест во имя Святой Екатерины.

С середины XVIII в. Омская крепость начинает выполнять не только военную, но и культурную функцию (см. очерк «Культурная и научная жизнь»). Дети солдат и казаков Сибирских пограничных линий первоначально посылались в гарнизонные школы Тобольска и Томска, это вызывало недовольство среди солдат и казаков, а также трения между губернским и линейным начальством. Поэтому в середине XVIII в. создаются гарнизонные школы в крепостях Иртышской линии (см. очерк «Развитие общего и профессионального образования»).

Для лечения больных в 70-х гг. XVIII в. в 130 саженях (примерно 278 м) от крепости на каменном фундаменте

было построено здание для госпиталя. Для «Омского генерального гошпиталя», в котором «больных разного звания» находилось «немало», лекарь казачьих войск Федор Якобинский просил командира Сибирской пограничной линии генерал-поручика И. А. Деколонга оставить двух лекарьских учеников как «совершенных» в «хирургической науке» и обученных «практике».

За Омской крепостью с середины XVIII столетия прочно утвердилась роль центра округа, выполнявшего, наряду с военной, административной и культурной, также и торговую функцию. Еще в 1753 г. при Омской крепости была учреждена таможенная застава для сбора пошлин с привозимых товаров. Несмотря на тяжесть повинностей, посадские люди стали заниматься различными промыслами и торговлей. Однако в условиях военного и пограничного центра они не преуспели в этой деятельности, так как были оттеснены на задний план казаками и торговцами из других местностей Сибири (даже в XIX в. омские малоденежные купцы не раз жаловались генерал-губернатору Западной Сибири на иногородних купцов, прося ограничить их торговлю). Тем не менее уже на плане 1755 г. в форштадте, кроме обывательских домов, находились кузница, баня и кабак. А через 11 лет, как показано на плане 1766 г., здесь появились купеческие и маркитантские лавки, казенный питейный дом, деловой двор, был построен первый каменный дом.

В 1764 г. для прикрытия и упорядочения менового торгова, производившегося русскими купцами с кочевниками прииртышских степей, казаками и калмыками, на левом берегу Иртыша, напротив Омской крепости, был специально построен Маякинский редут (Елизаветинский маяк, Елизаветинская защита), с вышки которого караульные

Омские крепостные ворота. Открытка начала XX в. Построены в 1790-х гг. вместо деревянных, снесены в 1936 г. Стояли на пересечении современных улиц Партизанской и Музейной

должны были подавать сигналы в крепость. Редут был обнесен заплатами, имел офицерскую светлицу и казарму для драгун. Торговля на Маякинском редуте, по свидетельству шведского врача и естествоиспытателя профессора Иоганна Петра Фалька, участника экспедиции Санкт-Петербургской академии наук, посетившего Омск в 1771 г., носила упорядоченный характер: «Сколь скоро киргизы придут для торга, то на башне редута бьют барабаны, и тогда приехавшие из Омска купцы собираются для торга». Торг возле редута проходил в конце августа – начале сентября. Для торга кочевники пригоняли лошадей, овец, привозили овчины, шкуры крупнорогатого скота и войлок, бязь белую и полосатую, ташкентские выбойки, камку, китайки, бумажные халаты, кирпичный чай. Омские, тарские, тобольские и тюменские торговцы, специально для этого прибывавшие в крепость, давали в обмен муку, бархат, бумажные и шерстяные материи, готовое платье (зипуны), сукно, сапоги, мягкую рухлядь (меха), железные и чугунные изделия, деревянную посуду. Особым спросом у казахов пользовались расписные деревянные сундуки, обитые медью, железные сундуки и ящики и т. п. Иногда для торга сюда прибывали караваны на верблюдах из Бухары и Коканда.

«Если в 1767 г. с товаров, выменянных у казахов, в Омской крепости было собрано всего 63 руб. таможенных пошлин, то в 1774 г. – уже 149 руб. В 1786 г. “русских товаров” у Маякинского редута обменяли на 502 руб., а привезенных казахами – на 595 руб. Это были довольно значи-

тельные по тем временам суммы» (Из XVIII века – в век XXI... С. 67).

Нередко у Маякинского редута торговали «живым» товаром. В XVIII в. покупка людей в Сибири была разрешена специальным указом и считалась даже «богоугодным» делом, так как предполагалось, что вымененные невольники будут обращены в христианство. Купленные невольники чаще всего становились дворовыми у омских офицеров. В 1782 г. у командира батальона Макарова было 12 дворовых, у майоров Миллера и Щербакова по семь.

Население Омской крепости состояло из солдат, казаков, свободных переселенцев и «подлых людей» – сосланных в Сибирь после наказания кнутом за различные преступления. Численность военных, как и в других пограничных городах, значительно превосходила численность остальных категорий постоянного населения вместе взятых. В 1771 г., по данным И. Фалька, гарнизон крепости, исключая казаков, состоял из четырех драгунских эскадронов, гарнизонного батальона и артиллерийской команды. В новой крепости жили только солдаты, остальные – в старой. По тому же источнику, в Омской крепости, кроме военных, ссыльных и преступников, проживало 1 186 чел., в том числе 72 – из купеческого сословия.

Значительное количество омичей в XVIII в. составляли казаки, которые помимо службы занимались сельскохозяйственными промыслами, торговлей, заготавливали лес, гнали деготь и т. д. За службу они получали в год 5 руб. 32 коп., три четверти и три четверика ржи (около 440 кг) и три четверти овса (примерно 393 кг). Некоторые казаки хлебного жалованья не получали, а должны были жить с отведенных участков земли, которые они сами обрабатывали. Казаки были обязаны содержать лошадь, иметь оружие и обмундирование.

В 1780-х гг. старая крепость была разрушена. Ее западная часть и Луговская слобода стали называться Ильинским форштадтом, здесь появились кварталы новых строений, а в последней четверти XVIII в. имелся гостиный двор с 14 торговыми лавками. Южнее форштадта в конце XVIII в. выросла Казачья слобода. Между мостом и новой крепостью на берегу Оми располагался Подгорный (или Воскресенский) форштадт; между Иртышом и новым кладбищем – Кадышевский, за ним, на берегу Оми, – Бутырский. Это уже было за пределами крепости. В долине Оми находился Мокринский форштадт. За Бутырским кладбищем кварталы жилых домов назывались Выползками, где так же, как в Бутырском и Мокринском форштадтах, жили преимущественно отставные солдаты, крестьяне, пришлые.

В 1790-х гг. деревянные крепостные ворота заменили кирпичными с двухскатной кровлей от осадков. Целый ряд строений появился между Тарскими воротами и плацем. Вдоль крепостного вала и в бастионах разместились

Казак Сибирского линейного войска. Рубеж XVIII–XIX вв.
Рисунок из книги «Атлас Азиатской России» (М., 2007)

казармы, кордегардии (помещения для караулов), пороховые погреба, цейхгаузы (военные склады для хранения оружия, снаряжения, обмундирования), конюшни, манеж, провиантские магазины, соляной амбар.

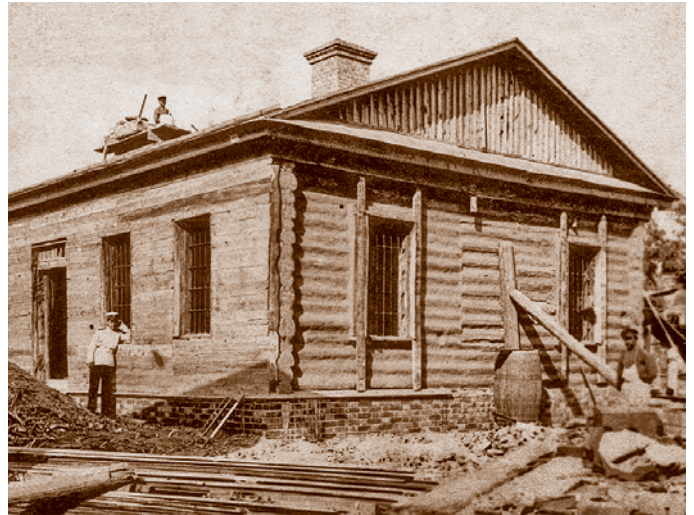
Малочисленность посадских в Омске в XVIII в. объясняется нежеланием населения жить в пограничье из-за военных опасностей, а также из-за специфики государственных повинностей в городах такого типа. Омские посадские жители были обязаны поставлять подводы, быть ямщиками, сторожами и т. д. На уменьшение налогоплательщиков влияла и постоянная практика вербовки их в служилые люди «по прибору».

Люди, добровольно попавшие в Сибирь, пользовались пятилетними льготами. Государство раздавало переселенцам земледельческие орудия и даже лошадей. Но над поселенцами, из-за военной специфики города, назначались смотрители из офицеров. Военное командование установило очень жестокие порядки. Битье плетью в XVIII в. было здесь обыкновенным делом. Так, два служащих таможи были биты плетью за «неправильную» жалобу на притеснения командира Худякова, «дабы впредь таких просьб не чинить и затруднений командирам не наводить». Воровство и другие проступки наказывались очень просто: шесть крестьян, пойманных с поличным за увоз с казенного озера соли, были биты кнутом, заклеямы и заключены колодниками в крепостной острог.

Значительной категорией местного населения в XVIII в. были ссыльные. Омский острог служил едва ли не главным пунктом ссылки в Сибири, отсюда колодники, направлявшиеся в Сибирь на «вечные работы», следовали к местам водворения – на сибирские линии. Условия их содержания были ужасными. В 1768 г. из Омской крепости писали, что колодников не во что одевать и в зимнее время выводить на работы. Жестокое обращение, тяжелый труд вызывали постоянные побеги. Только в 1769 г. бежало 82 колодника. Некоторые из колодников имели семьи. В 1768 г. в Омской крепости было 34 семейных колодника, некоторых семейных колодников, сосланных за «невеликие вины», отпускали на поселение.

Во второй половине XVIII в. в России наблюдается общий подъем классовой борьбы. Увеличивается и приток ссыльных в Омскую крепость, видевшую в своих стенах участников «колиивщины» – крестьянского восстания 1768 г. и казачество из отрядов Железняк, Гонты, Жвачки – участников гайдамацких движений 1773–1775 гг. в Запорожье; многие из них, будучи отважными и опытными в военном отношении, пополняли ряды Сибирского казачьего войска.

14 ноября 1773 г. в Омской крепости получили известие о крестьянском восстании под предводительством Емельяна Пугачева. Командир Сибирского корпуса генерал-поручик И. А. Деколонг принял меры для сохранения

Кордегардия. Открытка начала XX в.

Такие строения для военного караула стояли у всех крепостных ворот, а также у ворот Омского острога

«тишины и спокойствия». Команды из Омской крепости были двинуты под Троицк. 12 мая 1774 г. в остроге был повешен колодник Василий Морозов за «злодейские речи» о скором приходе в «крепость Омскую» Пугачева.

Рост социальной борьбы в течение последней четверти XVIII в. привел сюда приписных крестьян уральских мануфактур и другой трудовой люд из центральных губерний России. Массовые репрессии правительства в связи с разделами Речи Посполитой в 1772 и 1793 гг., а также подавление в 1794 г. восстания под руководством Тадеуша Костюшко способствовали притоку в крепость на Оми ссыльных польских повстанцев. И. Фальк писал, что в Омске, помимо ссыльных, находятся еще до 100 преступников, «по большей части с вырванными ноздрями». Особо важные из них содержались в крепостном остроге, остальные жили в городе и выделялись среди горожан «пришитым на спине красным лоскутом».

Отличительной чертой здешнего населения того времени было преобладание мужчин над женщинами. В 1762 г. на 100 мужчин приходилось только 27 женщин. Поэтому ссылали сюда также и колодниц. В 1759 г. в Омскую крепость были присланы 43 колодницы, а в 1768 г. – уже 98. Их определяли на поселение с «дозволением» выходить замуж только за оседлых крестьян и разночинцев. Военнослужащим жениться на колодницах запрещалось: «дабы колодницы не могли выехать с мужьями из мест высылки».

С конца XVIII в. судьба Омска как формировавшегося военно-административного центра была связана с трансформацией системы местного административного устройства и управления Западной Сибирью. В России была проведена административная реформа, вместо губерний были созданы наместничества, а вместо воеводств и дистриктов – уезды. Генерал-губернатор Тобольского и Пермского

наместничеств Е. П. Кашкин предложил преобразовать Омскую крепость в город, так как в ней находилась квартира начальника Сибирских пограничных линий, а на Оми и Иртыше было много сел, которые за дальностью не могли быть приписаны к другим городам. Поэтому в 1782 г. в связи с разделением Сибири на три наместничества Омская крепость, которая ранее принадлежала к Тарскому округу, была преобразована в город в составе Тобольского наместничества.

«В 1782 г. в уездном городе Омске проживало 2 428 чел. обоого пола (1 423 мужчины и 1 005 женщин) – военнo-служаших, крестьян, мещан и цеховых, купцов. Душ, платящих подати, было всего 461, в том числе 18 купцов, 157 мещан и 168 цеховых» (Из XVIII века – в век XXI... С. 65).

Был создан Омский уезд, в городе открыты присутственные места, появилась гражданская администрация. Сначала ее из-за военной специфики города возглавлял комендант, а затем городничий. Его деятельность базировалась на екатерининских «Учреждении для управления губерний» 1775 г. и «Уставе благочинья или полицейском» 1782 г. Городничий выступал как уполномоченный правительства, контролировавший не только городскую полицию, но и все вопросы жизни города. На должности городничих в Сибири назначались, как правило, отставные армейские или казачьи офицеры.

Сибирская полиция, наряду с функциями по охране правопорядка, имела административные и финансовые полномочия и фактически была органом управления об-

щей компетенции. Она следила за тем, чтобы подданные империи исполняли законы, постановления местной власти и решения судов, занималась вопросами благоустройства: наблюдала за чистотой улиц, строительством и осуществляла надзор за правильностью торговли. В ведении полиции были выдача ремесленных и торговых свидетельств, взыскание недоимок по казенным сборам, а также надзор за трактирами и постоялыми дворами. Полицейские органы выполняли функции паспортно-визовой службы, вели ведомости рождающихся, вступающих в брак и умирающих, учет прибывающих и убывающих из города лиц. Полиция занималась и военными вопросами: надзором за исполнением рекрутской повинности, расквартированием воинских подразделений, назначением на перевозку стратегических грузов. В ее ведении были пожарные команды, пути сообщения, а также некоторые вопросы идеологии и культуры. Маловажные правонарушения также подлежали ведению полиции, в остальных делах на полицию возлагался розыск, дознание и следствие.

В последней четверти XVIII в., когда на города Сибири распространились основные положения «Жалованной грамоты на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., в Омске появилось местное самоуправление – с 1790 г. начала работать городская дума. Ее сословный состав был достаточно пестрый: «прапорщик и капрал гарнизонной артиллерии, казачий прапорщик, отставной вахмистр, священник, винный пристав, мещанин и цеховой» (Из XVIII века – в век XXI... С. 76).

Выбор женок. Фотография с акварели Н. Н. Каразина. Из книги «Из XVIII века – в век XXI: история Омска» / Н. А. Мищенко, В. Г. Рыженко (СПб., 2008)

Новосибирский историк В. В. Рабцевич на основании материалов Государственного архива г. Тобольска (ГУТО ГАТ) в составе гласных думы первого созыва от воинских команд называет служивых первого пограничного батальона.

Повышение административного статуса практически не сказалось на торгово-промышленном развитии Омска. При устройстве города сибирская администрация руководствовалась не потребностями экономического развития местности, а чисто формальными соображениями об устройстве управления уезда: дать ему герб, устроить присутственные места и заставить жителей быть горожанами. Омску с 1785 г. был дан герб: щит с серебряным полем, в нижней части которого полоса, изображавшая укрепленную линию, а в верхней – герб Тобольской губернии – пирамида с воинской арматурой и знаменами. Со временем потеряла свое значение торговля у Маякинского редута, основные обороты в торговле со степью перешли к Петропавловску и Семипалатинску. И хотя в Омске в последней четверти XVIII в. действовали две ярмарки: в августе Успенская и в декабре Никольская, обе продолжительностью по неделе, влияние на сибирский рынок они не оказывали, имея чисто местное значение.

В начале 1790-х гг. в городе были только цеховые ремесленники и два небольших свечных заведения, владельцы которых поставляли сальные и восковые свечи в городские административные учреждения. В 1790 г. в Омске насчитывалось 657 домов. По их количеству он находился на шестом месте среди 16 городов Тобольского наместничества.

А. Щекотов в «Словаре географическом Российского государства» в начале XIX в. писал об Омске: «Жители здешние, коих большая часть отставные солдаты и разночинцы, также служивые, вообще бедны и едва отыскивают себе пропитание, поэтому здесь нет никаких рукоделий».

Главной причиной медленного развития экономики города была слабая заселенность района, натуральность крестьянских хозяйств, которые не нуждались в городской промышленности и торговле и все потребности удовлетворяли самостоятельно. Хозяйство омичей-горожан тоже носило натуральный характер. Они занимались огородничеством, хлебопашеством, держали скот. Эти, казалось бы, второстепенные занятия составляли наиболее выгодный и распространенный промысел. Поэтому после упразднения, согласно указу от 12 декабря 1796 г., наместничеств и образования в Сибири Тобольской и Иркутской губерний Омский уезд был ликвидирован, Омск стал заштатным (без уезда) городом Тобольской губернии, утратил право иметь герб; городская дума была распущена.

Вновь восстановлен в ранге уездного центра Тобольской губернии город на Иртыше был только в 1804 г. после очередной реформы управления, разделившей Западную Сибирь на Тобольскую и Томскую губернии. В Омске

Герб уездного города Омска

возродились уездные учреждения, власть которых распространялась только на население уезда (нижний земский суд во главе с капитаном-исправником, уездное казначейство, уездный суд и нижняя расправа), и городские. Полицейскую власть в городе осуществлял городничий, в его ведении был острог и пожарная безопасность города. В 1819 г. ему подчинялись канцелярский служитель, заплечных дел мастер и шесть квартальных надзирателей. Хозяйственными делами города занималась уже не дума, а ратуша (о ее деятельности см. в очерке «Становление и развитие органов городского самоуправления»).

«Внешний вид Омска ко времени его восстановления в статусе города изменился мало. Выросло только число домов. В 1805 г. их насчитывалось 744, в 1808 г. – 839, а к 1819 г. – 1 049 (помимо казенных домов). Казачья слобода уже в 1803 г. стала форштадтом, так что отныне город состоял из крепости и семи форштадтов. Самым крупным являлся Ильинский форштадт, имевший пять улиц. Русский человек и в степном Прииртышье предпочитал жить в деревянном доме. Каменных частных жилых строений в уездном Омске не возводили. А поскольку качественный лес приходилось доставлять издалека, хозяева вынуждены были ограничиваться скромными одноэтажными помещениями.

Часть домов раньше времени приходила в негодность из-за подтопления во время наводнений. Во время наводнения 1818 г., например, Иртыш затопил 50 домов на Ильинском форштадте, а Омь – 220 на Мокром (или Мокринском) и Воскресенском (Подгорном)» (Из XVIII века – в век XXI... С. 77).

Перемены в административном статусе Омска сказались, однако, на численности и составе его населения. В 1806 г. в городе насчитывалось 1 999 лиц мужского пола и 1 848 – женского. Военнослужащие с членами семей (638 чел.) снимали углы и комнаты у местных домовладельцев. В пяти офицерских домах проживало 70 чел., в 324 собственных домах – 605 унтер-офицеров и рядовых с членами их семей, в 101 доме – 470 горожан «казачьей команды». Отставных военных с членами их семей было 400 чел., штатских чиновников с женами и детьми – 80,

купцов и мещан – 434, лиц духовного сословия – 11, дворовых, которые проживали в домах хозяев, – 100. В отчетных ведомостях шесть мужчин и три женщины числились как «татары или ташкинцы (кокандцы. – *Ред.*)».

Таким образом, Омск и в первом десятилетии XIX в. оставался «городом в военном мундире». Даже солдатские сыновья считались с детства «государевыми людьми» и получали содержание от казны, будучи «воинскими воспитанниками».

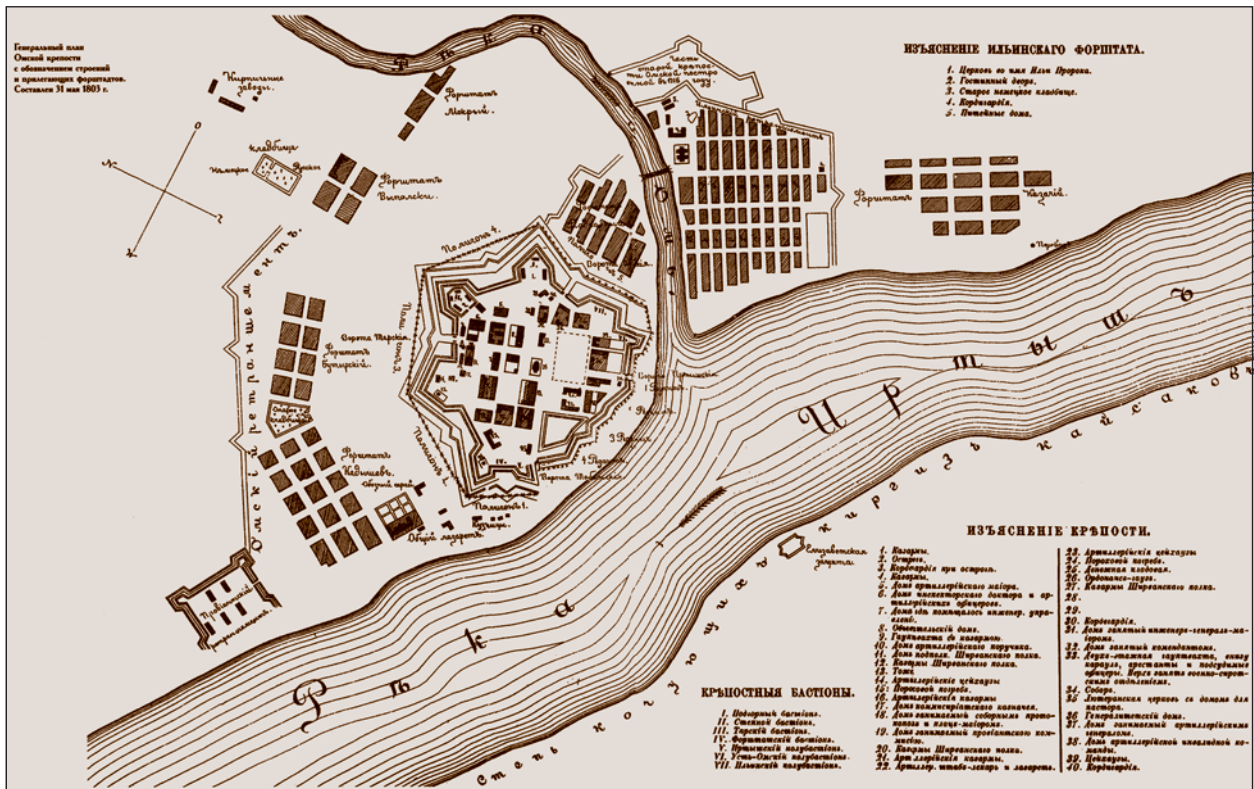
Начало XIX в. отмечено участием омичей в Отечественной войне 1812 г. В Ильинской и Воскресенской церквях были установлены ящики для сбора пожертвований. Казаки Омской крепости внесли 1 939 руб. 68 коп.

«В первые же дни войны из Омской крепости был отправлен на фронт Селенгинский мушкетерский полк. В Омске формировалась и обучалась знаменитая 24-я Сибирская пехотная дивизия генерал-майора П. Г. Лихачева, оборонявшая Смоленск, а затем сражавшаяся на Бородинском поле. Среди сибирских частей особенно отличился в боях с французами Ширванский мушкетерский полк, который более 60 лет охранял пограничную линию, подведомственную Омской крепости. <...> Многие омичи были награждены медалями “В память Отечественной войны 1812 г.»» (Захарова И. В. История Омской области / И. В. Захарова [и др.]. Омск, 1976. С. 40).

К середине XIX в., когда «граница отодвинулась на 1 000 верст к югу» (Г. П. Потанин), Омская крепость пол-

ностью утратила свое военное значение, хотя ее по-прежнему окружали ров, земляной вал и попасть в нее можно было через все те же Иртышские, Омские, Тарские и Тобольские ворота, у которых находились гауптвахты и содержался военный караул. В 1849–1850 гг. военное ведомство разработало план обновления омских укреплений, и в 1857 г. между Подгорным и Степным бастионами даже началось строительство мощной каменной оборонительной казармы с толстыми крепостными стенами, прочными воротами и узкими бойницами, которое вскоре прекратилось. В 1864 г. приказом по Военному министерству от 7 октября Омская крепость была упразднена.

Омск сыграл большую роль в освоении обширного прииртышского края, в проникновении в казахские степи более высокой, более развитой русской культуры, в присоединении и освоении новых земель на юго-востоке Западной Сибири. Он возник вследствие крайней насущности военно-оборонительных задач, при враждебном окружении на большой территории и низкой плотности населения. Сразу после основания главной функцией города стала военная. Постепенно здесь сосредотачиваются различного рода власти – политическая, военная, судебная, религиозная и экономическая, позволявшие Омску осуществлять руководство округой. Город организовывал подчиненную ему территорию, объединил ее в целостный механизм, сам входя в военно-административную структуру Российской империи.

План второй Омской крепости с форштадтами. 1803. Из фондов ОГИК музея